

Родина встретила
писателя
хлебом-солью...

ХРОНИКА ВОЗВРАЩЕНИЯ

Пять лет назад он пришел на Родину в пятницу рейсом Анкоридж - Магадан. Растерянно спустился по трапу небольшого самолета «Дуглас», принадлежащего авиакомпании «Аляска-Эйрлайнз». Отказался от предложенной ему охраны.

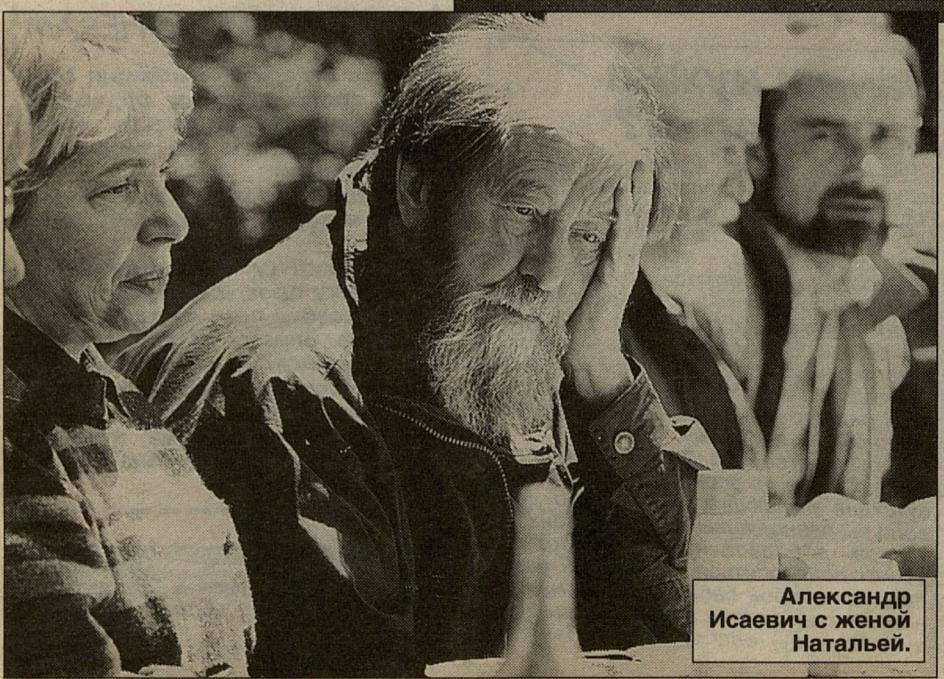
Бывшего зека Щ-252 Александра Солженицына встречала через 20 лет после отъезда в США толпа из 300 журналистов, без конца спрашивавших, фотографирующих, снимавших...

Он прибыл из столицы штата Вермонт в Россию вместе со своей супругой Натальей Дмитриевной и двумя сыновьями - Степаном и Ермolem.

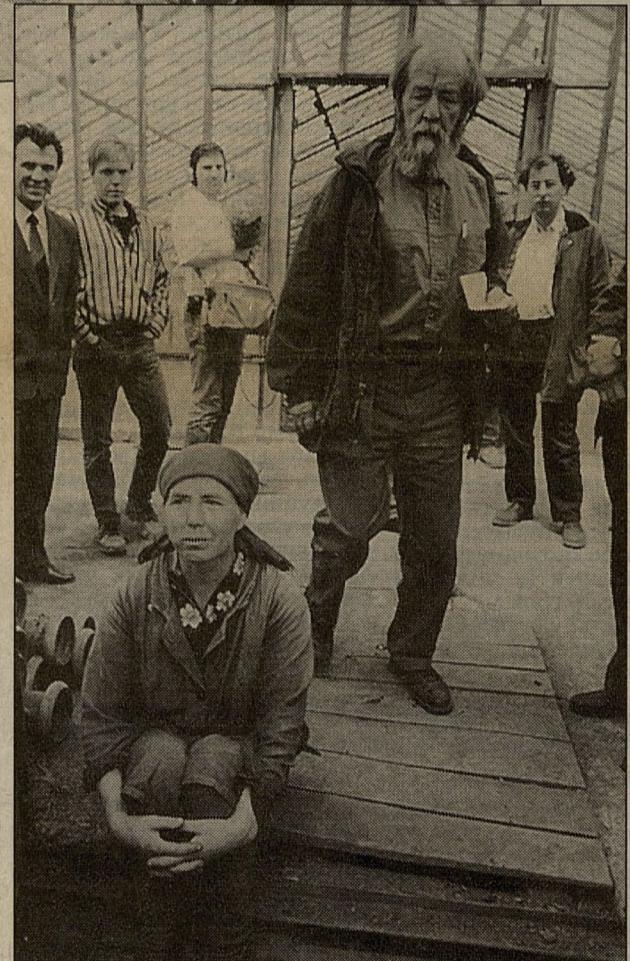
Уже через несколько часов писатель с семьей полетел в Хабаровск. Оттуда - во Владивосток. В том же дне семья Солженицыных провела в воздухе около 38 часов.

А из Владивостока с бесконечными остановками и встречами на вокзалах и пресс-конференциями лауреат Нобелевской премии прибыл в Москву.

...и обнищавшим населением.

Александр
Исаевич с женой
Натальей.

рассказе - Талыново) к Матрене Захаровой. Своего постоянца она называла «Исаич».

Он пробыл здесь недолго - всего один учебный год. Еще при нем Матрена Васильевна Захарова погибла, по неосторожности попав под товарищика. Солженицын перебрался на жительство к другой хозяйке. А Матренин двор ее родственники разобрали по бревнышку и перевезли в другую деревню.

«Матренин двор» появился в «Новом мире» в 1963 году, спустя два месяца после повести «Один день Ивана Денисовича». Как сказал тогда сам Солженицын, «Иван Денисович» - это тема, а «Матренин двор» - чистая литература.

Пять лет назад, вернувшись из-за границы, писатель приехал во Владимирскую область аккурат к 1 сентября - началу учебного года. И, конечно, поехал в свою бывшую школу, где когда-то преподавал математику. Здание, правда, не сохранилось, в Мезиновке выстроили новое. И говорил он с выпускным классом не о математике, а о жизни.

Ну, а в Мильцеве Солженицына ожидал сюрприз: стараниями председателя товари-

Как бы Солженицын ни ненавидел советскую власть, интеллигент он все-таки не дореволюционный. Его суждения об искусстве весьма консервативны, и на верника абстрактная живопись ему чуже.

В истории с получением Нобелевской премии был один маленький забавный эпизод, рассказанный мне моими шведскими друзьями. Не ручаюсь за детали, но могу представить, что именно так могло случиться. Когда Солженицын «выдворился» с Родины и он наконец приехал получать Нобелевскую премию в Стокгольм, то он, естественно, был приглашен своим шведским издателем домой. Кроме детей и жены, в доме Пер Гедин было лишь несколько близких друзей и соседей. Но уже на пороге Солженицын резко сказал:

- Нет, нет, пожалуйста, никаких гостей и родственников. Жизнь так коротка... Давайте говорить по делу... Где ваш кабинет?

Растерянный Пер Гедин пробовал ему что-то объяснить, но нобелевский лауреат неумолимо повторил:

- Где ваш кабинет?

Во время разговора «по делу» Солженицын вдруг снял верхний лист со стола и поместил рядом с пишущей машинкой, попробовал на ощупь и даже растянул:

- Я узнал эту бумагу. Вы на нее мне пишете письма. Какая плотная, нервущаяся. Такой я не видел ни в Германии, ни в Швейцарии. Не могли бы вы мне достать несколько килограмм?

Пер Гедин послал ему эти «несколько килограмм» в подарок, а заодно и вежливое уведомление, что он больше не имеет чести быть издателем Солженицына на шведском языке.

В этом эпизоде в Солженицыне снова проявился Иван Денисович, не очень интересующийся разговорами об Эйзенштейне или вообще об искусстве, человеческом.

Пятнадцатилетний Пётр Гедин

век, не желающий тратить время на «пустяки». А вот несколько килограмм бумаги - это конкретно, как ножовка в лагерном снегу, это может всегда пригодиться.

Солженицын, видимо, думает, что привычная вежливость и простая человеческая теплота во взаимоотношениях - это так мелко и несущественно по сравнению с задачей спасения России. Да, он такой человек и витязь - и, может быть, если бы не умел отказываться от «пустяков», не сумел бы осуществить нечеловеческий подвиг - создание памятника Архипелагу ГУЛАГ. Такое самоограничение, наверное, и помогло ему стать великим нестибающим борцом.

Но сделавшийся только борцом, он стал слишком жестким, слишком направленным и потерял чарующую теплоту.

Солженицын по характеру борца

плоту непродуманного лиризма, недочитанную для прозы не меньше, чем для поэзии.

Потеря собственной теплоты ведет к потере контакта с людьми, жаждущими теплоты, а не просто рецептов к самосовершению. В этом трагедия самоназначения мессии.

Его почти никто не слушает в стране, где он - самый почитаемый писатель - Александр Маринин. Солженицын в Думе, пытающийся пробудить болезнь за Россию, вызывающих и перешептывающихся о нем делишках депутатов, - какая трагическая картина...

Солженицын по характеру борца

борцу нужен противник. Его привычный

противником было государство. Но

НЕГРОМКАЯ ДАТА

НАШ СОЛЖЕНИЙ

Пять лет назад великий писатель-изгнаник вернулся

«В любой рыбе он ел все -
хоть жабры, хоть хвост,
и глаза ел, когда они на месте
попадались...»

А. Солженицын. «Один день Ивана Денисовича».

Система, где заключенные ели все что попадается, включая глаза какой-нибудь жалкой тюльки, пожирала людей и с особенным удовольствием их глаза - чтобы они не видели, не запоминали.

Любая пропаганда - это проглатывание глаз.

Но были и те, кто видел, запоминал. Свою отсюда бывший командир батареи Александр Солженицын воспринимал как миссию запоминания.

Увы, малоприятная правда заключена в словах Бертольда Брехта: «Несчастна страна, которая нуждается в героях».

Но еще более несчастна страна, которая нуждается в героях, а их нет.

Слава Богу, такого несчастья Россия избежала.

Один из этих героев - Солженицын.

В какой степени Иван Денисович - это сам Солженицын?

В большой. Но Солженицын в отличие от Ивана Денисовича, как утверждают его коллеги, прятал в матрасе словарь Даля и делал из него выписки, прибавляя к ним лагерный жаргон.

Противоречие заключается в том, что Солженицын при всей его саркастической неприязни к либеральной интелигенции, например, в «Круге первом», тем не менее сам интеллигент.

«Матренин двор»: 42 ГОДА СПУСТЯ

«Комсомолка» попыталась разыскать могилу героини знаменитого рассказа

Александр Солженицын принял на Матрену сразу после сталинских лагерей летом 1956 года и был назначен учителем математики в среднюю школу деревни Мезиновка (в рассказе - Торфопродукт). А на жительство школьный завхоз определил его в соседнее Мильцево (в

рассказе - Талыново) к Матрене Захаровой. Своего постоянца она называла «Исаич».

Он пробыл здесь недолго - всего один учебный год. Еще при нем Матрена Васильевна Захарова погибла, по неосторожности попав под товарищика. Солженицын перебрался на жительство к другой хозяйке. А Матренин двор ее родственники разобрали по бревнышку и перевезли в другую деревню.

«Матренин двор» появился в «Новом мире» в 1963 году, спустя два месяца после повести «Один день Ивана Денисовича».

Как сказал тогда сам Солженицын, «Иван Денисович» - это тема, а «Матренин двор» - чистая литература.

Пять лет назад, вернувшись из-за границы, писатель приехал во Владимирскую область аккурат к 1 сентября - началу учебного года. И, конечно, поехал в свою бывшую школу, где когда-то преподавал математику. Здание, правда, не сохранилось, в Мезиновке выстроили новое. И говорил он с выпускным классом не о математике, а о жизни.

Ну, а в Мильцеве Солженицына ожидал сюрприз: стараниями председателя товари-

щества «Перовское» Москалеву туда перевезли из другой деревни дом, как две капли воды похожий на Матренин. «Похож, похож», - закивал головой Солженицын, трогая кольцо для лупочки под потолком. Среди встречающих было полно старожилов, отлично помнивших Исаича. «Как бы жилось сегодня Матрене в Мильцеве?» - спросил кто-то писателя. Помрачнев, тот ответил: «Не легче».

...Редактор местного издательства Николай Лакин спросил: «Солженицын - это святое. Езжай в Гусь-Хрустальный, там тебя будет ждать Дима на «десятке». И мы поехали с Димой по солженицынским местам.

Слава Богу, в Гусь-Хрустальном районе не появился колхоз имени Солженицына, артель или школа. Есть, правда, в Мезиновской школе нечто вроде маленького музея. Впрочем, это и музей трудно назвать: несколько фотографий в кабинете русского языка - и все.

В Мильцеве один местный писатель живет, - сказал Дима, когда мы повернули обратно. И добавил с явным неодобрением:

* * *

Пять лет назад, вернувшись из-за границы, писатель приехал во Владимирскую область аккурат к 1 сентября - началу учебного года. И, конечно, поехал в свою бывшую школу, где когда-то преподавал математику. Здание, правда, не сохранилось, в Мезиновке выстроили новое. И говорил он с выпускным классом не о математике, а о жизни.

Ну, а в Мильцеве Солженицына ожидал сюрприз: стараниями председателя товари-

щества «Перовское» Москалеву туда перевезли из другой деревни дом, как две капли воды похожий на Матренин. «Похож, похож», - закивал головой Солженицын, трогая кольцо для лупочки под потолком. Среди встречающих было полно старожилов, отлично помнивших Исаича. «Как бы жилось сегодня Матрене в Мильцеве?» - спросил кто-то писателя. Помрачнев, тот ответил: «Не легче».

...Редактор местного издательства Николай Лакин спросил: «Солженицын - это святое. Езжай в Гусь-Хрустальный, там тебя будет ждать Дима на «десятке». И мы поехали с Димой по солженицынским местам.

Слава Богу, в Гусь-Хрустальном районе не появился колхоз имени Солженицына, артель или школа. Есть, правда, в Мезиновской школе нечто вроде маленького музея. Впрочем, это и музей трудно назвать: несколько фотографий в кабинете русского языка - и все.

В Мильцеве один местный писатель живет, - сказал Дима, когда мы повернули обратно. И добавил с явным неодобрением:

* * *

Пять лет назад, вернувшись из-за границы, писатель приехал во Владимирскую область аккурат к 1 сентября - началу учебного года. И, конечно, поехал в свою бывшую школу, где когда-то преподавал математику. Здание, правда, не сохранилось, в Мезиновке выстроили новое. И говорил он с выпускным классом не о математике, а о жизни.

Ну, а в Мильцеве Солженицына ожидал сюрприз: стараниями председателя товари-

щества «Перовское» Москалеву туда перевезли из другой деревни дом, как две капли воды похожий на Матренин. «Похож, похож», - закивал головой Солженицын, трогая кольцо для лупочки под потолком. Среди встречающих было полно старожилов, отлично помнивших Исаича. «Как бы жилось сегодня Матрене в Мильцеве?» - спросил кто-то писателя. Помрачнев, тот ответил: «Не легче».

...Редактор местного издательства Николай Лакин спросил: «Солженицын - это святое. Езжай в Гусь-Хрустальный, там тебя будет ждать Дима на «десятке». И мы поехали с Димой по солженицынским местам.

Слава Богу, в Гусь-Хрустальном районе не появился колхоз имени Солженицына, артель или школа. Есть, правда, в Мезиновской школе нечто вроде маленького музея. Впрочем, это и музей трудно назвать: несколько фотографий в кабинете русского языка - и все.

В Мильцеве один местный писатель живет, - сказал Дима, когда мы повернули обратно. И добавил с явным неодобрением:

* * *

Пять лет назад, вернувшись из-за границы, писатель приехал во Владимирскую область аккурат к 1 сентября - началу учебного года. И, конечно, поехал в свою бывшую школу, где когда-то преподавал математику. Здание, правда, не сохранилось, в Мезиновке выстроили новое. И говорил он с выпускным классом не о математике, а о жизни.

Ну, а в Мильцеве Солженицына ожидал сюрприз: стараниями председателя товари-

щества «Перовское» Москалеву туда перевезли из другой деревни дом, как две капли воды похожий на Матренин. «Похож, похож», - закивал головой Солженицын, трогая кольцо для лупочки под потолком. Среди встречающих было полно старожилов, отлично помнивших Исаича. «Как бы жилось сегодня Матрене в Мильцеве?» - спросил кто-то писателя. Помрачнев, тот ответил: «Не легче».

...Редактор местного издательства Николай Лакин спросил: «Солженицын - это святое. Езжай в Гусь-Хрустальный, там тебя будет ждать Дима на «десятке». И мы поехали с Димой по солженицынским местам.

Слава Богу, в Гусь-Хрустальном районе не появился колхоз имени Солженицына, артель

НЕГРОМКАЯ ДАТА

НАШ СОЛЖЕНИЦЫН

ит лет назад великий писатель-изгнаник вернулся в Россию

бой рыбе он ел все -
жабры, хоть хвост,
а ел, когда они на мес-
падались...

А. Солженицын. «Один день Ивана Денисовича».

ма, где заключенные ели все что
тся, включая глаза какой-нибудь
тушки, пожирала людей и с осо-
удовольствием их глаза - чтобы
видели, не запоминали.

пропаганда - это проглатывание
и те, кто видел, запоминал.

малоприятная правда заключена
х Бернольта Брехта: «Несчастна
страна, которая нуждается в героях».

Но еще более несчастна страна,
которая нуждается в героях, а их
нет?

Слава Богу, такого несчастья
Россия избежала.

Один из этих героев - Солженицын.

В каком степени Иван Денисович - это сам Солженицын?

В большой. Но Солженицын в
отличие от Ивана Денисовича,
как утверждают его коллеги, при-
ятал в матрасе словарь Даля и
делал из него выписки, прибавляя
к ним лагерный жаргон.

Противоречие заключается в
том, что Солженицын при всей
его саркастической неприязни к
либеральной интеллигенции, на-
пример, в «Круге первом», тем не
менее сам интеллигент.

«Матренин двор»: 42 ГОДА СПУСТЯ

«Комсомолка» попыталась разыскать могилу героини знаменитого рассказа

Александр Солженицын пришел на Владимирщину сразу после сталинских лагерей летом 1956 года и был назначен учителем математики в среднюю школу деревни Мезиновка (в рассказе - Торфопродукт). А на жительство школьный завхоз определил его в соседнее Мильцево (в Тальново) к Матрене Захаровой. Тогда она называла «Исаич». Там здесь недолго - всего один д. Еще при нем Матрена Васильева погибла, по неосторожности товарищ. Солженицын перешел к другой хозяйке. А ее родственники разобрали шкуру и перевезли в другую деревню. «Матренин двор» появился в «Новом мире», спустя два месяца после «Одного дня Ивана Денисовича». Тогда сам Солженицын, «Иван» - это тема, а «Матренин двор» литература. ***

над, вернувшись из-за границы, поехал во Владимирскую область сентябрь - началу учебного года. поехал в свою бывшую школу, где преподавал математику. Здание, сохранилось, в Мезиновке выстроено. И говорил он с выпускным классом о жизни.

Мильцеве Солженицына ожидала встреча с Димой по солженицынским местам. Слава Богу, в Гусь-Хрустальном районе не появился колхоз имени Солженицына, артель или школа. Есть, правда, в Мезиновской школе нечто вроде маленького музея. Впрочем, это и музей трудно назвать: несколько фотографий в кабинете русского языка - и все.

В Мезиновке один местный писатель живет, - сказал Дима, когда мы повернули обратно. И добавил с явным неодобрением:

Матрена Захарова.

Как бы Солженицын ни ненавидел советскую власть, интеллигент он все-таки не дөреволюционный. Его суждения об искусстве весьма консервативны, и наследия абстрактная живопись ему чуже, чем не менее, чем Хрушеву.

В истории с получением Нобелевской премии был один маленький забавный эпизод, рассказаный мне моими шведскими друзьями. Не ручаюсь за детали, но могу представить, что именно так могло случиться. Когда Солженицын «выдворился» с Родины и он наконец приехал получать Нобелевскую премию в Стокгольм, то он, естественно, был приглашен своим шведским издателем домой. Кроме детей и жены, в доме Петра Гедина было лишь несколько близких друзей и соседей. Но уже на пороге Солженицын резко сказал:

- Нет, нет, пожалуйста, никаких гостей и родственников. Жизнь так коротка... Давайте говорить по делу... Где ваш кабинет?

Растерянный Пер Гедин пробовал ему что-то объяснить, но нобелевский лауреат неумолимо повторил:

- Где ваш кабинет?

Во время разговора «по делу» Солженицын вдруг снял верхний лист со стола и бумаги рядом с пишущей машинкой, попробовал на ощупь и даже растянул:

- Я узнал эту бумагу. Вы на нее мне пишете письма. Какая плотная, нервущаяся. Такой я не видел ни в Германии, ни в Швейцарии. Не могли бы вы мне достать несколько килограмм?

Пер Гедин послал ему эти «несколько килограмм» в подарок, а заодно и вежливое уведомление, что он больше не имеет чести быть издателем Солженицына на шведском языке.

В этом эпизоде в Солженицыне снова проявился Иван Денисович, не очень интересующийся разговорами об Эйзенштейне или вообще об искусстве, чело-

М-да, это не Матренин двор!

век, не желающий тратить время на «пустяки». А вот несколько килограмм бумаги - это конкретно, как ножовка в лагерном снегу, это может всегда пригодиться.

Солженицын, видимо, думает, что привычность и простота человеческая теплота во взаимоотношениях - это так мелко и несущественно по сравнению с задачей спасения России. Да, он такой - монах и витязь - и, может быть, если бы не умел отказываться от «пустяков», не сумел бы осуществить нечеловеческий подвиг - создание памятника Архипелага ГУЛАГ. Такое самоограничение, наверно, и помогло ему стать великим несгибаемым борцом.

Но сделавшись только борцом, он стал слишком жестким, слишком целенаправленным и потерял чарующую теплоту непродуманного лиризма, необходимую для прозы не меньше, чем для поэзии.

Потеря собственной теплоты ведет к потере контакта с людьми, жаждущими этой теплоты, а не просто рецептов к самоспасению. В этом трагедия самоназначенных мессия.

Его почти никто не слушает в стране,

где он - самый почитаемый писатель, а самый читаемый писатель - Александр Маринин. Солженицын в Думе, пытающийся пробудить боль за Россию в позывающих и перешепывающихся о своих делишках депутатах, - какая трагическая картина...

Солженицын по характеру борец, а борцу нужен противник. Его привычным противником было государство. Но сейчас на поле боя перед ним уже не только государство, а общество.

Итак, Солженицын с потерями, но вышел победителем в поединке с тоталитарным государством. То одряхлевшее государство оказалось явно слабее характером по сравнению с солженицынским.

Солженицын смог победить это государство, ибо он был хитроумным мистическим его порождением, исчадием лагерей, в котором спрессовались все лагерные призраки, воплощенным возмездием, явившимся из глубины вечной мерзлоты в терновом венце из колючей проволоки.

Но государство, пришедшее на смену тому, хорошо известному зверю, оказалось тоже зверем, только незнакомым и особенно опасным от этой незнакомости.

Солженицын думал, что нет ничего страшнее коммунизма, но когда увидел мафиозный отечественный капитализм, то невольно поежился.

Солженицын выдержал испытание неизвестной властью предержащих. Но когда вернулся в Россию, он оказался не подготовленным к испытанию почтительным равнодушием.

У него бесстыдно отняли его еженедельную программу на телевидении. У него отняли его любимого врага - цензуру. Пошли поп-звезды с православными крестами, рекламно вывешенные поверх рубах, сочинители русской бульварщины отняли у его книг потенциальных молодых читателей.

Но у него не смогли отнять бессмертия, на которое он обречен, даже если бы захотел быть навсегда забытым.

Страна, в которой есть хотя бы один великий человек, не потеряла шанс быть великой.

Евгений ЕВТУШЕНКО.
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА («ИТОГИ»).

СЛОВАРЬ КЛАССИКА

«Волкодав прав, а людоед - нет»

Вклад Солженицына в скопище русского языка оценивают по-разному. Отдельные скептики поговаривают, что, начавшиеся в лагерях слова Даля и внесенные в него жаргонные выражения зеков, Александр Исаевич и создал свой собственный язык. Вроде - русский, а вроде - нет. Этакий солженицынский сленг.

Другие - поклонники классика - считают, что Солженицын поднял некие глубинные пласты языка, не переделал, а использовал все его многообразие. В результате обогатил лексику, как немногие до него.

Да и то сказать, замечаем ли мы, насколько скуден наш по-вседневный язык? Может, от этого некоторые словечки Солженицына и режут глаз, и кажутся «новоязом»?

Хотя не секрет, что переводчикам Солженицына на иностранные языки пришлось по-попеть. Вот лишь несколько примеров из словаря мэтра:

- «Бодался теленок с дубом» - «дуб» писатель ассоциировал с властью, а «теленка» с человеком, который власти противостоит.

- «Угреться» - согреться.
- «Испыток не убыток» - попытка не пытка.

- «Моркошка» - морковка.
- «Дурандай» - дуралей.
- «Шарашка» - шарашка есть.

- «Образованцы» - люди, которые учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь.

**«Как нам обустроить Россию» -
эту статью Александр Исаевич
впервые опубликовал в «Комсомолке»**

Ф. СП-1

Федеральная служба почтовой связи при Министерстве связи РФ

АБОНЕМЕНТ на газету

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

(индекс издания)

Количество комплектов:

на 1999 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ПВ место литер на газету (индекс издания)

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Стоимость подписки переадресовки руб. Количество комплектов:

на 1999 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)